

Содержание

Пасхальное обновление жизни. <i>Епископ Переславский и Угличский</i> <i>Феоктис (Игумнов)</i>	7
Часть I. Великий пост	12
Что такое Великий пост?.....	13
Рождение покаяния.....	33
В Царстве вечной духовной весны.....	56
Крестный путь начинается в тайне Святой Троицы.....	69
На пути к Победе Христовой.....	98
Молитвы покаяния и исповеди.....	126
<i>Молитва покаяния</i>	126
<i>Молитва перед исповедью</i>	130
Часть II. Страстная седмица	134
Лазарева суббота.....	135
Вербное воскресенье.....	139
Перед Страстной неделей.....	142
Страстная неделя по дням.....	145
<i>Понедельник Страстной седмицы</i>	145
<i>Вторник Страстной седмицы</i>	147

<i>Среда Страстной седмицы</i>	148
<i>Великий Четверг</i>	149
<i>Великая Пятница</i>	152
<i>Погребение Христа</i>	154
<i>Великая Суббота</i>	155
Предательство Иуды.....	158
Тайная Вечеря.....	161
О выборе Христа.....	166
Христос во аде.....	192
Часть III. Христос воскрес!	198
Христос воскрес! Воистину воскрес!.....	199
Слова торжествующего напутствия.....	202
Пасхальная радость: услышать сердцем то, что глаза увидеть не могут	206
Он воскрес! Но воскресли ли мы?.....	212
Каждый из нас способен вместить в себя Бога.....	217
И просветимся торжеством.....	230

Пасхальное обновление жизни

Любой христианин должен уметь дать самому себе ответ на вопрос о смысле и цели наших постов, особенно же о смысле и цели поста Великого.

Конечно, есть те ответы, которые известны каждому и которые так или иначе ежегодно воспроизводят в своих проповедях священнослужители: мы постимся, чтобы лучше увидеть греховные болезни собственной души, чтобы тело меньше мешало молитве, мы постимся, подражая нашему Спасителю, постом мы готовим себя к встрече Христова Воскресения. Конечно, я сейчас перечислил далеко не все прекрасно нам известные ответы, но я лишь хотел сказать, что ответ на вопрос о смысле поста нам всем известен.

Книга, которую вы держите в руках, тоже посвящена ответу на вопрос о посте, и в этом она ничем не отличается от множества других подобных книг, статей, проповедей, интервью и фильмов.

Однако есть и одно существенное отличие, в котором легко убедиться сразу же после

начала чтения книги. Владыка Антоний предлагает не заниматься бесконечными попытками самосовершенствования через пристальное рассмотрение собственной неминуемой греховности и не сравнивать себя с эталонными праведниками минувших веков, владыка Антоний предлагает использовать время поста весьма неожиданным образом: он осмеливается предложить нам радоваться!

Конечно, та радость, о которой говорит владыка Антоний, не имеет ничего общего с радостью пресыщенного чрева, нетрезвого сознания или же с радостью исполнившего до последней буквы постный устав человека. Нет. Речь идет о совсем иной радости, о той радости, которую можно назвать радостью узнавания — узнавания Бога.

Собственно, знакомый с Евангелием человек легко опознает в этой радости практическое осуществление слов нашего Спасителя, Который в Своей Первосвященнической молитве к Богу Отцу сказал, что «сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17: 3).

Однако какие практические выводы можно сделать из этих Христовых слов? К каким действиям они нас должны побудить? На эти

вопросы ответить значительно сложнее, чем на вопрос о смысле поста, а потому и само Христово определение вечной жизни остается за рамками осмысления большинства христиан.

Удивительный и всем известный святой Николай Сербский в отношении процитированных слов Спасителя сделал очень важное замечание. С его точки зрения, познание Бога не есть вечная жизнь в ее абсолютном смысле: «Познание Бога в этой земной жизни составляет начало и предвкушение жизни вечной. Познание Бога — вот для нас жизнь вечная, пока мы находимся на земле. А какова жизнь вечная в мире ином, „не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку“». Очевидно, что познать Бога в полной мере человек не способен, этот процесс бесконечен. Если в земной жизни познание Бога, как мы знаем, происходит через исследование Писания, через нравственную жизнь и через участие в церковных таинствах, то в мире ином райское блаженство есть не что иное, как пребывание рядом с Богом и познание Его из опыта личного с Ним общения, не «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно», а «лицем к лицу» (см. 1 Кор. 13: 12).

Есть у святителя Николая и замечательное описание человека, который находится на

верном пути и уже начал восходить к богопознанию: «Знает Бога тот, кто ощущает Божие дыхание жизни в себе и повсюду вокруг себя; тот, кто и умом, и сердцем, и душою чувствует величественное и страшное присутствие единого истинного Бога как в природе, так и в жизни людей — и в своей собственной жизни».

Согласитесь, что звучит это в высшей степени вожделенно. Хотелось бы научиться ощущать «Божие дыхание жизни в себе и повсюду вокруг себя». Но как это сделать?

Если мы живем церковной жизнью, то знаем, что такая жизнь — фундамент познания Бога, но фундаменту нужны стены, и эти стены складываются из кирпичиков практического опыта тех людей, которым среди треволнений земной жизни удалось взойти к богопознанию так, чтобы «и умом, и сердцем, и душою чувствовать величественное и страшное присутствие единого истинного Бога».

Владыка Антоний вспоминал, что еще в юности он имел счастье общения со священником, который сумел познать Бога и Его любовь. Рискну предположить, что общение с этим священником не только показало будущему владыке Антонию практическое выражение любви Божией в этом мире, но и зародило всецелое стремление к ней, ну а тот, кто

своей целью видит познание любви Божией, тому Сам Бог помогает ее достигнуть, достигнувший же не может не делиться своим опытом, не может не вести людей за собой. Делал это и владыка Антоний в годы своей земной жизни, делает он это и сейчас.

В этой книге владыка Антоний дает ответ на, пожалуй, один из самых острых вопросов человеческой цивилизации: как мы можем ощущать «Божие дыхание жизни в себе и повсюду вокруг себя», если наш мир исполнен ужаса, неправды, горя и боли? Ответ на этот вопрос кроется в конечной цели нашего великопостного путешествия — в Светлом Христовом Воскресении. Перед нами — христианами — стоит крайне важная и непростая задача: мы, познав любовь Божию, должны стать ее проводниками в этом мире, мы должны стать теми людьми, одного взгляда на которых достаточно, чтобы понять — да, Христос победил ад, Он уничтожил смерть, Он «проложил путь всякой плоти к воскресению из мертвых» (анафора литургии свт. Василия Великого), и человек призван стать новым творением во Христе, чтобы обрести свободу от греха и смерти.

*Епископ Переславский
и Угличский Феофил (Игуменов)*

Часть I

Великий пост

Что такое Великий пост?*

Слишком часто Великий пост, время подготовки к Пасхе, воспринимается как унылый период, когда люди бесконечно думают о том, что в последний год делали неправильно, как будто христианская жизнь — это исключительно составление описи наших недостатков. И очень часто в итоге мы приходим к Пасхальному торжеству в печали, сознавая лишь свою недостойность.

Я хотел бы рассказать вам короткую историю из жизни отцов-пустынников. Два человека вышли из монастыря в соседний город — братья поручили им продать корзины, которые плели в монастыре, а на вырученные деньги купить хлеба. У городских ворот два монаха разошлись, а когда вернулись, оба были печальны, поскольку каждый за прошедшие дни совершил тяжкий грех. Один обратился к другому с такими словами: «Я пришел на

* Беседа в лондонском приходе 24 марта 1979 года. Перевод с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. Здесь и далее названия текстов даны редактором.

место встречи не для того, чтобы идти с тобой в монастырь, а просто чтобы сказать, что не вернусь. Я согрешил, нарушил священные обеты и больше не вправе жить с братией, я буду на ней пятном, я останусь здесь». Другой ответил: «Я тоже согрешил, оставшись один, но вернемся вместе, потому что лишь любовь и поддержка братии явит нам любовь Божию и даст уверенность, что ничто не отлучит нас от любви Божьей, если только мы вернемся к Нему. Идем же, сознаемся во всем, принесем покаяние и начнем жить заново. Наша жизнь в пустыне должна была стать покаянием и обновлением. Когда мы сюда пришли, мы не нуждались в нем по-настоящему, теперь нуждаемся несравнимо больше. Мы ушли в пустыню в юности, чтобы достичь святости, давай вернемся туда в зрелые годы, уже уязвленные грехом, чтобы обновиться и снова ожить».

И он убедил брата вернуться. Они публично исповедались в том, что совершили, и братия назначила им период покаяния: они должны были запереться в кельях, куда им будут носить еду, и сорок дней стоять перед Богом в покаянии, в надежде, в страхе и в ожидании Божьего решения.

И случилось вот что. Оба ушли в кельи и начали молиться, а другие монахи, подвижные

отчасти состраданием, отчасти, быть может, недолжным любопытством, стали подслушивать, как их братья каются. Из одной кельи доносились плач и стенания — кающийся, стоя перед Богом, пребывая в ужасе от содеянного, вновь и вновь провозглашал свой грех. Из другой же кельи слышались благодарственные и пасхальные песнопения, песнопения радости. Монахи печально качали головами и думали: «Первый выйдет очищенным и обновленным, с сокрушенным сердцем, но как этот второй, только что оставивший грех, смеет петь Богу хвалы и радоваться?»

Прошло сорок дней, и оба вышли из келий. Второй вышел с сияющим лицом, говоря: «Господь — мой Спаситель. Я знаю, что Он отдал за меня жизнь, умер ради меня, и в благодарность я буду весь остаток дней служить Ему, и восхвалять Его, и служить вам за то, что вы приняли меня обратно». Первый же вышел мрачный и сказал: «Я молился, каляся, но Господь не дал мне радости. Я могу лишь вернуться в мир». И несмотря на все уговоры, он ушел, потерянный для братии и потерянный для Бога, потому что утратил надежду.

Это ясный образ того, каким должно быть покаяние.

Староанглийское слово пост (lent) означало весну, а весна — начало жизни, время после долгого периода сна или чего-то, похожего на смерть. Весне предшествует постепенное отмирание всего живого, весна — время, когда из смерти бурно изливается, расцветает, торжествует жизнь. И в этом смысл Великого поста. Пост — период обновления, когда все жизнеспособное должно ожить.

Однако этого нельзя добиться, сосредоточившись лишь на том, что в нас мертво, на зле в нас, на грехе, на том, что недостойно Бога, недостойно нашего человеческого звания. Если мы хотим ожить, мы должны обратиться к тому, что есть в нас жизнеспособного, дать ему силу, поддержку, позволить ему расцвести в нас всей мощью настоящей весны. В оставшееся время поста не ворошите сухие ветки, не копайтесь в том дурном и неправильном, что легко или с трудом, глубоко или поверхностно знаете о себе. Отвернитесь от этого — нет уже времени глядеть на себя в таком ракурсе. Этим надо было заниматься до поста — когда церковь неделю за неделей предлагала нам образы покаяния. Например, в слепом, напоминающем о нашей слепоте, или в Закхее, напоминающем о тщеславии и необходимости, если мы хотим встать перед

судом Божиим, а не человеческим, его преодолеть. В образах мытаря и фарисея, которые учат осознавать святость святого и понимать, что нет нам места в Царствии Божиим кроме как по милости Божьей, по Его состраданию и потому, что Он наш Спаситель, а не Судья. В образе блудного сына, который ушел от отца и унес из царства, из дома, как и мы, все дары Божии, чтобы их расточить, рассеять, а вернувшись, был принят отцом с любовью, поскольку, хотя сам он стал недостойным сыном, его отец остался верным и любящим отцом, каким и был с самого начала. Мы видели суд и прощение.

А теперь проведем остаток лежащего перед нами времени в поисках (и эти поиски могут потребовать усилий и немалого смиренного внимания) образа Божьего в себе, в поисках того в нас, что Божие, что достойно человеческого образа, человеческого величия, человеческого призвания.

Неправда, будто каждый из нас по отдельности и все люди в целом дурны. Когда мы приходим исповедоваться, то сосредотачиваемся на дурном, однако мы видим дурное лишь потому, что в нас довольно света, чтобы различить тьму, довольно истины, чтобы распознать ложь, довольно настоящего, чтобы обнаружить фальшь.

Спросите себя, что в вас есть истинного и подлинного? Чего в себе вы не стыдитесь и не должны стыдиться, что в вас достойно и христианского, и человеческого призвания? Подумайте об этом честно. Внутренний голос будет нашептывать вам разные варианты. Исследуйте каждый.

Некоторые, вы увидите, означают лишь, что из-за тщеславия и гордости мы довольствуемся вещами чересчур мелкими для нашего призвания быть сыновьями и дочерями Живого Бога. Однако вы обнаружите также, что есть вещи истинные и правильные, те, которыми можно порадовать Бога, принести Ему в благодарность за Его к нам благодеяния.

Совершив это — подумав о себе, посмотрев на себя с помощью лишь собственного разума, собственной совести, духа истины в вас, — обратитесь к Евангелию и опять-таки ищите там не то, что вас обличает, а то, на что вы уже и прежде откликались либо душевным порывом, либо надеждой, либо радостным изумлением, что вот она истина — и вы к ней причастны!

Возьмите любое из четырех Евангелий и прочтите его с таким намерением: отмечая места, где сердце у вас занимается от радости,

горит, как описывали свои чувства от встречи с Христом идущие в Еммаус Лука и Клеопа (Лк. 24: 32). Отмечайте то, с чем можете страстно, всем сердцем согласиться умом, отмечайте то, что пробуждает вас к действию, отмечайте то, что наполняет вас счастьем от сознания: Бог так прост и так близок, Он вам родной, вас объединяет с Ним сходство, не вами достигнутое, но такое прекрасное и радостное. И когда вы найдете один или несколько таких отрывков, поразмышляйте о них глубоко, попытайтесь понять, что именно в этих словах согрело вам сердце, прояснило мысли, оживило волю, пробудило новизну, которой вы не знали раньше. Спросите себя, в чем особое свойство этих слов, что тронуло ваше сердце в хвалебной песне, в образе, в притче, в действии Христа, в проявлении Его Божественности?

В каждой такой истории, в каждой хвалебной песни мы способны увидеть множество причин ликовать и благодарить Бога за Его близость. Каждый может найти такую историю, которая принадлежит лично, исключительно ему. И затем осознайте, что вот здесь у вас и у Живого Бога есть что-то общее, что вы похожи на своего Бога, что здесь образ Божий реален, здесь он проступает в вас, пусть в других местах он и стерт, и запачкан.

Думайте о себе как о старинном портрете или древней иконе, которые были созданы идеальными, гармоничными, соответствующими своему назначению, первоначальному замыслу, и которые за века пришли в негодность, были обезображены. Мы можем смотреть на такие иконы или картины с глубоким чувством, с уважением, с состраданием. Нам не придет в голову взять древнюю икону, сколь угодно изуродованную, и выбросить ее на свалку. Из-за того, что она изранена и обезображена, из-за того, что она стала неприглядной, мы будем обходиться с ней бережно и почтительно, мы постараемся отреставрировать всю красоту, которую еще можно спасти.

Так Бог глядит на каждого из нас, так все мы должны глядеть друг на друга. Все мы, каждый из нас — это образ Живого Бога, образ запущенный, изуродованный, поврежденный, но все равно он есть, он подлинный, и наша задача в оставшееся время Великого поста — пристально вглядываться в собственный образ, выискивать подлинный Божий образ в нас, восстанавливать его, хранить и оберегать. И тогда, возможно, этот образ будет очищаться, и окажется когда-нибудь полностью восстановлен, и превратится в то, что отец

Софроний (Сахаров) называл неискаженным образом, ликом святого.

Смотрите на эти евангельские отрывки с верой и надеждой. Когда вы поймете, что можете честно, искренне сказать: «Да, эти черты у меня общие с Богом», не гордитесь, а ликуйте, и будьте благодарны, и стойте в изумлении и благоговении перед тем, что в вас есть божественная красота, что божественный образ все еще сияет в сумерках, что свет светит и тьма не смогла его погасить и уничтожить. Посвятите оставшееся время Великого поста тому, чтобы найти эти черты, потому что они вам понадобятся, нам всем они понадобятся, чтобы вступить в Страстную неделю.

В неделю Страстей Христовых мы столкнемся с событиями последних дней Христа на земле. Это будут уже не воспоминания. На службах мы встретимся с тем, что происходило в ту Последнюю Неделю, и будем смотреть на каждую ситуацию не только снаружи — мы будем вовлечены в них, нам придется найти свое место. Кто я среди кишащей в Храме толпы, толпы, которая приветствует Христа, когда Он входит в Иерусалим, а затем отворачивается от Него из страха перед властями и старейшинами,

толпы, которая кричала Ему: «Осанна!», а теперь собралась, чтобы предать Его на смерть. Кто я в этой толпе?

Чтобы пояснить, я дам вам два примера. Вспомните историю женщины, взятой в прелюбодеянии. Христос с учениками, собирается толпа молодежи и стариков, людей всех возрастов и социальных слоев. И благочестивые люди, обличающие эту женщину, тащат ее к Христу. Спросите себя: где тут мое место? Я как эта женщина? Понял ли я внезапно, что грех и смерть — одно и то же, что грех убивает, что прелюбодеяние значит побивание камнями? Вы когда-нибудь осознавали, что грех может вот так нас убить, что он всегда смертельно ранит, если только Бог не вмешается в ответ на наше покаяние или хотя бы на наш плач и крик о помощи? Или я — как эти гордые, надменные и жестокие люди, которые привели женщину на суд, предвкушая ее убийство и забыв, что они тоже грешники? Или мы в кучке апостолов, которые уже многому научились от Христа, поэтому ужасаются греху и сочувствуют грешнице, и надеются, что Христос словом разрешит все затруднения? Или мы в толпе среди тех, кто ждет жестокой расправы, или тех, кто надеется на спасение несчастной? Или у нас есть опыт жизни с Христом, и мы видим, что

близость смерти уже поставила эту женщину вне греха, что ее можно отпустить не потому, что она грешница, которую можно простить, а потому, что она уже не та грешница, какой была, когда совершала прелюбодеяние? Где мы? Я оставляю вопрос открытым. Это вызов мне и каждому из нас.

И подумайте еще об одной сцене, такой же трагической, даже более трагической, более великой, — Голгофе. Три креста. На среднем распят Христос. Перед тем как взойти на крест, когда Его прибивали гвоздями и крест поднимали, Он молился: «Отче, прости им, они не ведают, что творят». А затем Он вступил в долгий период умирания, умирания во плоти воплощенного Сына Божьего. Он вошел в умирание, отверженный людьми, потому что полностью, без остатка соединился с Богом, и люди, отвергшие Его Бога, Его Отца, приговорили Его к смерти за городскими стенами, вне человеческого города. Однако Он избрал быть единым с людьми, которые в отвержении Бога распинали Его, и Ему пришлось умирать их смертью в богооставленности, одному, с криком: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» И здесь, у подножия креста — Его Мать, которая когда-то привела Его в Храм как живую жертву, ныне принятую. Она отдала Его как жертву

по закону Исхода и теперь молча исполняла тогдашнее Свое приношение, безропотно отдавая Своего Сына на смерть. И апостол, умевший любить, Иоанн, соединенный с Христом любовью, который, не зная, вероятно, того, что узнает позже, не понимая многого из того, что со временем поймет и возвестит в своем Евангелии и в Откровении, тоже стоял молча, принимая Христову волю умереть.

И еще два креста. Один человек глядел, как Невинного убивают по людскому неправосудию, и сделал вывод, что, раз невинный умирает по человеческой злобе, то сам он тем более заслуживает смерти, ибо совершил грех, насилие, разбой и убийство. Он принимает свою участь и этим обретает мир с теми, кто признал правосудие и получил Божью милость. Другой разбойник видел, что Невинного распяли, и потому отверг право людей судить его и приговорить. Он взбунтовался и не обрел мира в смерти.

А первосвященник, и фарисеи, и книжники издевательски призывали Христа сойти с креста, «зная», что Он этого не сделает, — ведь в своей слепоте они не видели в нем Сына Божия, пришедшего спасти грешников.

Однако в толпе, в шумном разношерстом сборище тех, кто пришел посмотреть на казнь,

некоторые, вероятно, надеялись, что Христос и впрямь сойдет с креста. Тогда они поверили бы без риска ошибиться, поверили бы легко, с гарантией, что эта вера надежна, что верить не безумие, поскольку победа уже одержана.

А другие, быть может, всем сердцем надеялись, что Христос не сойдет с креста и весь этот кошмар Евангелия можно будет забыть, смерть проповедника станет свидетельством ложности и глупости Его учения. Это будет конец призыву к сверхчеловеческой или даже нечеловеческой любви, любви с готовностью отдавать жизнь за других, любви как единственному смыслу жизни. Вероятно, они надеялись, что Он не сойдет с креста и они будут свободны, они смогут вернуться к жизни по закону джунглей.

Наверняка многие думали еще как-то иначе, но я говорю об этих, чтобы вы, читая Евангелие, спросили себя: где стою я? Кто я? К какой группе я принадлежу? С кем я себя отождествляю? Потому что, когда мы себя с кем-то отождествляем, легко смотреть не на себя, а на него и знать, что мы думаем о нем, о ней, а затем перевести взгляд на себя и понять, кто я: Петр, или Иуда, или Мать Божья, или апостолы, бежавшие или оставшиеся, или женщины, которые стояли в отдалении, потому что любовь сильнее страха.